

глубокоуважаемый шкаф

Пока мир открывает для себя советский дизайн, самое время перетряхнуть бабушкино наследство в поисках шедевров.

ТЕКСТ: ОЛЬГА КОСЫРЕВА

В сентябре 2016 года в Сомерсетхаузе в Лондоне прошла выставка «Открывая Утопию: забытые архивы советских дизайнеров», организованная Московским музеем дизайна. На ней были впервые показаны уникальные материалы (документы, макеты, чертежи, рисунки), переданные в дар музею самими дизайнерами. Всего 300 лайтбоксов с проектами и фотографиями рабочих моментов: у кульманов, на совещаниях и конференциях. В экспозиции стояли картонные стулья — точные реплики тех, что были созданы для международного конгресса по промышленному дизайну ICSID в 1975 году архитектором Александром Ермолаевым. Тут же транслировалось видео — интервью с забытым поколением советских дизайнеров и инфографика, которая наглядно описывает систему дизайна в СССР.

Советская утопия получила главную награду первой Лондонской биеннале дизайна — Utopia Medal 2016. И это неудивительно. «Мало кто знал о существовании советской системы послевоенного дизайна, — говорит директор Музея Александра Санькова. — А в жюри биеннале сидели историки дизайна, например Паола Антонелли и Ян Каллум. Для них это было трагическое открытие — невероятная

Пожарный автомобиль ЗИЛ-Sides VMA-30, 1975

БелАЗ-540, 1965

Кресло, 1920—1930-е

Стеллаж, 1960-е

Экспериментальное советское такси, 1964

глава истории, о которой так мало известно. При этом уже столько материалов из этой главы потеряно».

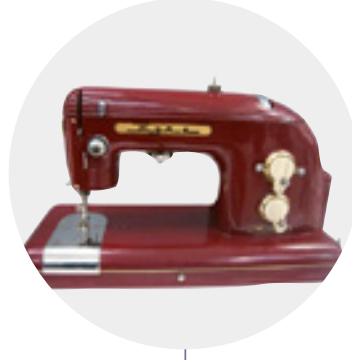
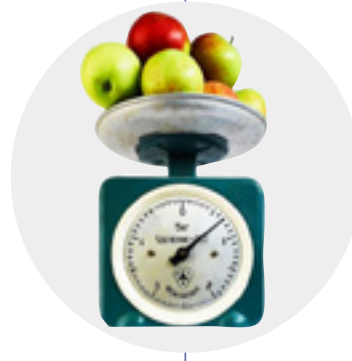
Однако, хотя эта история и у нас основательно забыта, внутри страны растет интерес к работам советских дизайнеров послевоенной поры. Выставки прошли в Манеже, в Московском музее архитектуры, а также в галерее «Эритаж» на Петровке, где были представлены среди прочего уникальные находки и приобретения: довоенная мебель дизайна Бориса Иофана, Николая Лансере, Игоря Крестовского, прототипы Ивана Жолтовского для образцовой квартиры на проспекте Мира в Москве и Юрия Случевского для Новых Черемушек, а также единичные авторские изделия из стекла и фарфора. Многие вещи, представленные на выставках, можно было купить.

История советского дизайна уходит корнями в первые послереволюционные годы. Задача «Мы наш, мы новый мир построим» была поставлена перед художниками и архитекторами еще в ранние 1920-е и отлично совпала с их собственными художественными задачами и векторами поисков. Если нужно все новое — то долой старую мебель, старую посуду и старый облик домов. Долой старые формы, украшения и орнаменты, даешь небывалые ранее, простые и практичные, соответствующие времени и новому потребителю товары массового потребления. Стремление к обновлению и рывок в будущее из области социального строительства переместились в область стиля и формотворчества. Конструктивистская архитектура Татлина, Мельникова, Гинзбурга, Весниных и нефигуративная живопись Малевича, Кандинского, Лисицкого — советский дизайн ранних послереволюционных лет стоит именно в этом ряду.

Самые первые дизайнеры создавали трибуны и передвижные агитационные установки, киоски и рекламу, плакаты и праздни-

ное оформление городов. Художники Любовь Попова, Александра Экстер, Владимир Татлин, архитекторы Александр Веснин и братья Стенберги придумывали декорации к новаторским спектаклям Мейерхольда и Таирова. «Амазонки авангарда» Варвара Степанова с Любовью Поповой отрисовали десятки геометрических орнаментов для ситчиков и фланелей 1-й Московской ситценабивной фабрики — ткани «Трактор», «Фабричный гудок», «Пионеры на линейке», «Красноармейцы на страже», «Красные косцы», «Жнейки» с удовольствием покупали в столице и провинции. Константин Малевич пробовал себя в дизайне конструктивистской, подчеркнуто прямолинейных форм посуды для Ломоносовского фарфорового завода. Художник и фотограф Александр Родченко проектировал новаторскую мебель, которая представляла СССР на Международной выставке декоративно-прикладного искусства в Париже в 1925-м. Немного позже выпускники первого института дизайна ВХУТЕМАС (расшифровывается как Всероссийские художественно-технические мастерские) защищали дипломные проекты рабочих клубов, кают на рефрижераторном судне и интерьеров Госторга, оборудования железнодорожной станции в дачной местности и раскладывающихся кресел для автобусов дальнего следования и пассажирских самолетов.

Потом было четверть века господства тоталитарного строя и сталинского стиля в архитектуре, искусстве, дизайне. На смену простым формам и функциональным конструкциям вернулись пышные украшения, дорогие материалы, орнаменты и ордерная система (вот эти все колонны, капители, порталы, фризы и карнизы, взятые из античной архитектуры, которые мы видим на фасадах и в помещениях сталинских зданий). В книге «Интерьер жилого дома»,

выпущенной Академией архитектуры в 1954 году, аккуратно ведется речь об экономном использовании площади и приближении интерьера к более демократичному образцу, но в иллюстрациях фигурируют далекие от функционализма четырех- и пятикомнатные квартиры с эркерами, карнизами, лепными потолками, из прогрессивного в них — разве что встроенные шкафы и раздвижные перегородки.

О современном дизайне, простом и функциональном, в СССР снова заговорили только в период «оттепели». С конца 1950-х дизайнеры снова начали ездить за границу, смотреть на современную европейскую мебель, развивавшую стилистику Баухауза, и снова открыли для себя мастеров русского авангарда. 1960-е и 1970-е годы стали годами массового жилищного строительства, и для появившихся малогабаритных квартир проектировалась подходящая мебель: старая, тяжелая и громоздкая, там просто не помещалась. Новая мебель стала более узкой и низкой, ее силуэты гораздо более легкие, воздушные — она как будто парит над полом на своих тонких ножках. Мелкие детали и чисто декоративные украшения исчезли, зато возник цвет. Появилась разнообразная трансформирующаяся и комбинирующая функции мебель, от кресла-кровати, дивана-кровати, раздвижного стола до стенки, объединяющей в себе разные функции хранения.

Дизайнер Юрий Случевский разработал комплект для образцовых квартир в Черемушках: стеллажи, столы, стулья. Соотношение ширины и высоты мебельной конструкции он регулировал в соответствии со средним ростом человека. Тогда же в повседневную жизнь советских людей вошли модульные кухни и холодильники «Зил», пылесосы «Чайка», «Ракета» и «Сатурн», стиральная машина «Рига-60», радиоприемники и радиолы «ВЭФ» — все они отличались осо-

быми пропорциями, современными пластичными материалами, даже начертания логотипов были очень модными.

Вехой в развитии дизайна у нас в стране стало создание в 1962 году ВНИИТЭ — Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики с филиалами в Ленинграде, Риге, Свердловске, Киеве, Баку, Тбилиси, далее везде. Институт стал главной проектной организацией большой страны и на долгие годы — главным местом инноваций в области художественного проектирования. Его возглавил Юрий Соловьев — первый и последний советский дизайнер-звезда, четыре года (1977–1980) председательствовавший в ведущей международной дизайнерской организации ICSID. Автор вагонов пассажирских поездов, которые до сих пор ездят по стране, интерьеров подводных лодок и правительственных яхт, он проектировал и простые бытовые вещи. Для общежития в высотке главного здания МГУ предложил компактный шкаф-трансформер, который можно было превратить в стол и кровать (впрочем, так и оставшийся прототипом). Первым обратил внимание на эргономику — науку о психологическом и физиологическом удобстве человека во взаимодействии с предметами, орудиями труда, механизмами. Неудивительно, что все придуманное Соловьевым было удобным и практичным: троллейбусы с большими окнами, пароходы с туалетами или атомный ледоход с душем в каждой каюте. «У меня есть шутовое определение дизайнера: дизайнер — это широко эрудированный дилетант. Он должен знать все самые главные новинки в области инженерии, в области эргономики», — пояснял дизайнер в одном из последних интервью. Эмигрировавший после развала СССР, затем вернувшийся, Соловьев еще застал возрождающийся интерес к советскому дизайну и первую выставку советского дизайна 1950–1980-х годов.

Диван, 1950—1960-е

Многие разработки ВНИИТЭ остались нереализованными — но именно по ним видно, насколько прогрессивен был дизайн в последние десятилетия советской власти и насколько это не соответствовало стагнирующей плановой экономике. Один из сотрудников ВНИИТЭ дизайнер Юрий Долматовский разработал проект вместительного и очень экономичного автомобиля-такси из пластмассы, в который помещалась даже коляска с ребенком. Проект подробно анализировался в журнале «Техническая эстетика»: форма вагона, широкая сдвижная дверь, непривычное расположение двигателя сзади и поперек кузова. Был изготовлен опытный образец, и полгода это такси ездило по улицам Москвы. Председатель Совмина Косыгин дал указание Минавтопрому: «Разработать мероприятия, обеспечивающие производство специализированного автомобиля-такси, доложить в двухмесячный срок». Но ничего не произошло. Проект так и остался прототипом.

И это не единственный случай. Совершенно фантастической выглядит история с проектированием уже в годы перестройки Дмитрием Азриканом и его дизайнерской группой комплекса СФИНКС — «суперфункциональной интегрированной коммуникационной системы», по замыслу объединявшей все существующие в доме технические устройства в цельный комплекс. В комплект СФИНКС входили сферические колонки и более привычная пара плоских стереоколонок, большой экран для совместного пользования и дисплей поменьше, а также головные телефоны, ручной пульт с дисплеем, большой пульт с телефонной трубкой, диски, процессор с тремя блоками памяти. Приборы СФИНКС разделялись на три группы — носимые на теле, связанные с жилищем и связанные с транспортом. В этих группах несложно узнать «умные» браслеты и часы,

«умный дом» и бортовые компьютеры современных автомобилей.

Отдельные идеи выглядят провидческими, а многие не реализованы и до сих пор, хотя уже ничто не мешает их воплощению. В частности, в статье 1987 года в журнале «Техническая эстетика», описывавшей новую разработку, говорилось: «Носимые эффекторы, в некоторых случаях совмещенные с процессорами и интерфейсами, станут элементами одежды и особым видом украшений, как ими стали часы, например. Здесь возможны неожиданные решения: допустим, солнечные очки, по команде пользователя превращающиеся одновременно в дисплей, индицирующий время или другую необходимую информацию (частоту пульса, температуру тела или окружающего воздуха)». То есть Дмитрий Азрикан и К предвидели появление современных гаджетов, смарт-часов и даже очков Google Glass еще в далеких восьмидесятих.

А потом распался СССР, а вместе с ним распались экономические связи между институтами дизайна и предприятиями, между проектированием и производством.

Все придуманное и накопленное кануло в Лету. Архивы ВНИИТЭ, по слухам, отнесли на помойку — нужны были их помещения на Тверской, не до старых бумажек было в девяностые. Только двадцать пять лет спустя советский дизайн снова возвращается к пользователю. Меж тем хороший дизайн — вневременный, и он не устареет. Так что если у вас на даче или в старой бабушкиной квартире еще стоят нелакированные серванты светлого дерева на тонких конусовидных ножках, субтильные стулья как из студенческих столовых, округлые чешские вазы литого стекла и простецкие торшеры на изогнутых фанерных стойках — самое время их вытаскивать из забвения, обновлять и ставить в центр своих современных гостиных. 🇷🇺

Городское оборудование для экспериментального жилого района в Тбилиси, 1986